

*МАРИНА ВОЛОЩУК, аспирантка
Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огуенко*

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ЭПИТЕТЫ В НАРОДНОМ РАССКАЗЕ «КРЕСТНИК» Л. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИТЕТОВ НАРОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» И РАССКАЗА Л. ТОЛСТОГО «КРЕСТНИК»)

Стаття присвячена вивченню закономірностей функціонування народно-поетичних епітетів у оповіданні Л. Толстого «Похресник». Зіставлення інтенсивності функціонування народно-поетичних епітетів у народній легенді «Хрещений батько» і оповіданні Л. Толстого «Похресник» дозволяє виявити специфічні особливості толстовської манери зображення, характерної пізній художній творчості Л. Толстого.

Ключові слова: народно-поетичні епітети, парні епітети, епітети, епітетні структури, Л. Толстой.

Статья посвящена исследованию закономерностей функционирования народно-поэтических эпитетов в рассказе Л. Толстого «Крестник». Сопоставление интенсивности функционирования народно-поэтических эпитетов в народной легенде «Крестный отец» и рассказе Л. Толстого «Крестник» позволяет выявить специфические особенности толстовской манеры изображения, характерной позднему художественному творчеству Л. Толстого.

Ключевые слова: народно-поэтические эпитеты, парные эпитеты, эпитеты, эпитетные структуры, Л. Толстой.

The article is dedicated in the research of the peculiarity of the popular poetic epithets in the story «Godchild» by L. Tolstoy. The comparison of the intensity of the popular poetic epithets functioning in the popular legend «Godfather» and in the story «Godchild» by L. Tolstoy assists to expose the specific peculiarities of the depiction manner, peculiar for the fiction of L. Tolstoy of the latest period.

Key words: popular poetic epithets, pairs of epithets, epithets, epithet structures, L. Tolstoy.

Многоплановость народной темы в художественном наследии Л. Толстого находит свое воплощение в исследованиях изучения религиозно-философского [10] и дидактического содержания [5], некоторых заметках о грамматических особенностях языка народных рассказов [11, 117-120].

Однако существует проблема исследования влияния народно-поэтических и фольклорных источников на художественное творчество Л. Толстого: «Много тем для народных рассказов Толстой нашел в русских народных легендах. Он много их знал и, по свидетельству В. И. Алексеева, любил излагать свои философские положения в форме сравнений и примеров» [4, 437-438]. Родство народных рассказов с народно-поэтическими источниками подтверждается Э. Зайденшнур в исследованиях источников, которые послужили для толстовской интерпретации народной темы. В изучении поэтических особенностей народных рассказов внимание толстоведов сосредоточено на экзистенциальных и философских особенностях народного и библейского сказа: «В рассказе «Хозяин и работник» Толстой контрастно противопоставляет, с одной стороны, жизнь крестьян, наполненную необычайным внутренним богатством во внешне бедственных условиях, а с другой стороны — богатую жизнь хозяев, вступающую в кричащее противоречие с ничтожеством их духовных ориентиров и нарушающую все этические нормы поведением» [5, 245]. А. Кавацца выделяет общие принципы проблематики рассказа «Хозяин и работник» — противопоставление, как значимый элемент позднего художественного творчества Л. Толстого.

В толстоведении известны опыты сопоставления сюжетно-композиционных особенностей, стиля сказа народных рассказов Л. Толстого с народно-поэтическими источниками. Например,

Ю. Соколов, сравнивая рассказ «Чем люди живы» с первоисточником — устной народной легендой «Ангел», записанной Л. Толстым за сказителем Щеголенком выявляет существенные различия в композиции и развитии действия и мотивов в рассказе и легенде: «В щеголенковской легенде, вопреки правилам традиционной поэтики повествовательного фольклора, мы видим лишь двойное повторение центрального мотива — улыбки Михайлы, которая дает повод к раскрытию ангельской породы загадочного подмастерья. Толстой, повинувшись внутренним требованиям поэтического традиционного приема, доводит повторение мотива до узаконенного числа три» [8]. Ю. Соколов также выделяет собственно толстовскую манеру повествования в рассказе «Чем люди живы», которая заключается также в том, чтобы расширить и растолковать читателю суть повествования.

Однако при скрупулезном рассмотрении Ю. Соколова, выпускаются из виду характеристики, «художественные частности», свойственные толстовской манере повествования: «без должного учета художественных особенностей и деталей в произведениях Толстого, мы рискуем порой не вполне понять их в целом» [1, 3]. Следует учитывать значимость таких художественных особенностей как эпитеты, которые «пользуются заслуженной славой» [1, 90] в системе литературно-художественных произведений Л. Толстого. Однако нельзя упускать из поля зрения исследования традиций функционирования эпитетов в художественном наследии Л. Толстого. Эпитеты являются носителями авторской манеры изображения, которой свойственно меняться, неоспоримым и авторитетным является утверждение — «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании» [3, 59]. Изучение художественной системы легенды и рассказа с привлечением к сопоставлению эпитетных структур является актуальным на современном этапе развития толстоведения.

В литературоведческих словарях зафиксировано понятие постоянный эпитет «как литературного... так и фольклорного происхождения» [6, 342]. Однако разграничение народно-поэтических и фольклорных эпитетов В. Москвина является наиболее ясным и теоретически оправданным в современной эпитетологии: «В художественной речи встречаются народно-поэтические эпитеты — определения фольклорного происхождения, освоенные литературным языком (*красна девица, жусли звончатые*). Фольклорные эпитеты стоят за пределами литературного языка» [7, 38]. В сопоставлении эпитетных систем народной легенды «Крестный отец» и рассказа Л. Толстого «Крестник» привлекается понятие «народно-поэтические эпитеты» так как легенда освоена литературным языком, размещена в собрании сочинений В. Даля, а затем в сборнике А. Афанасьева.

Источниками для создания рассказа «Крестник» послужили легенды «Грех и покаяние» и «Крестный отец». Однако по сюжетно-композиционным особенностям наиболее очевидным и главным источником влияния является народная легенда «Крестный отец».

Экспозиция легенды «Крестный отец» разворачивается за счет формул повествования, свойственных народному сказу: «*Въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ **бедной** мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души*» [2, 99]. Формулы «*Въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ*», «*жилъ-былъ*» являются элементами ритмизации повествования, свойственные народно-поэтическим произведениям. Формула «*дѣтище во младости на посмотрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души*», согласно литературной традиции упоминается трижды — в экспозиции легенды, в разговоре мужика с нареченным кумом и в разговоре мужика с купцом. В рассказе Л. Толстого отсутствует затянутасть начала действия, писатель концентрирует внимание читателя на персонажах: «*Родился у **бедного** мужика сын. Обрадовался мужик, пошел к соседу звать в кумовья. Отказался сосед: не охота к **бедному** мужику в кумовья идти. Пошел **бедный** мужик к другому, и тот отказался. Всю деревню исходил, не идет никто в кумовья. Пошел мужик в иную деревню. И попадаетъ ему навстрѣчу **прохожий** человек. Остановился **прохожий** человек*» [9, 147]. Л. Толстой развивает проблему, намеченную в первоисточнике, народной легенде. В экспозиции легенды эпитетная структура «*бедной мужикъ*» встречается один раз; в рассказе Л. Толстого характеристики персонажей четко закреплены в эпитетных структурах «*бедный мужикъ*» и «*прохожий человекъ*». Если в легенде нареченный кум именуется как «*незнакомый старецъ*», «*дѣдушка*», «*нарѣченной кумъ*», то в рассказе соблюдается ясность и точность повествования. В главе I рассказа «Крестник» интенсивно функционируют эпитетные структуры «*бедный мужикъ*» (4 раза) и «*прохожий человекъ*» (5 раз), что способствует созданию ритма в повествовании рассказа, отличающегося от народного. Речевая формула «*во младости на посмотрѣніе, под старость на утѣшеніе, а по смерти на помин души*» без изменений функционирует только два раза в разговоре мужика с прохожим человеком и мужика с купцом: «*Далъ мнѣ, — говоритъ мужик, — Господь дѣтище: **во младости на посмотрѣніе, под старость на утѣшеніе, а по смерти на помин души** ... Да вот, господинъ купецъ:*

дал мне Господь детище: во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души. Пожалуй, отпусти дочь свою в крестные» [9, 147; 148]. Так в рассказе Л. Толстого нарушается литературная традиция выдвинутая в легенде.

Описание крестника в рассказе писателя также отличается от описания в легенде. В первоисточнике «*Стал младенец возрастать, да такой умной да доброй, встѣмъ сосѣдямъ на зависть*» [2, 100]. Характеристика ребенка воплощается в тройчатке эпитетов развернутой структуры, усложненной парными эпитетами («*такой умной да доброй*») и составным иносказательным эпитетом («*встѣмъ сосѣдямъ на зависть*»). В рассказе «Крестник» описание ребенка упрощено в цепочке эпитетов из четырех элементов «*и силен, и работяц, и умен, и смирен*»: «*Стал младенец возрастать на радость родителям: и силен, и работяц, и умен, и смирен*» [9, 148]. Наблюдается тенденция максимально точного и понятного повествования.

В рассказе «Крестник» упускается эпитет «*чистое поле*», свойственный народно-поэтическим источникам. Однако описание прощания с родителями и встречи крестника с крестным в рассказе Л. Толстого более развернутое развитие мотива ухода из дома — мальчику приходится просить позволения отправиться на поиски своего крестного, «*прохожий человек*» не сразу признается, что именно он его крестный: «*Поклонился сын отцу, матери. — Отпусти меня, — говорит, — батюшка с матушкой, моего крестного искать. Хочу его найти, с ним похристосоваться. Отпустили сына отец с матерью. И пошел мальчик искать своего крестного*» [9, 148]. Сказочный элемент повествования присутствует в описании прощания сына с родителями, повторы часто функционируют в народно-поэтических произведениях. В трепетности изображения прощания сына с родителями аллюзивно прослеживается новозаветный мотив прощания Христа с Иосифом и Марией.

Также в рассказе не указывается, что крестный — господь как это есть в легенде: «*А старик-то былъ самъ Господь, и повель онъ своего крестника въ царство небесное*» [2, 101]. Упрощенное повествование встречи крестного, свойственное легенде, не находит отражения в рассказе Л. Толстого. Крестник сам идет дорогой по указаниям крестного (в народной легенде они идут вдвоем в «*царство небесное*»). Описание испытаний крестника в дороге фантастически-сказочного содержания, изображение дома крестного имеет иносказательный характер, воплощается в эпитетных структурах «*большому саду*», «*высокие палаты с золотой крышей*» [9, 150].

Также в рассказе «Крестник» описание дома «*палаты больше всех и лучше всех*» обогащается характеристикой эмоционального состояния крестника «*ему весело и радостно было*» [9, 150]. Изображение палат и душевного состояния крестника воплощается в эпитетах развернутой структуры — парных эпитетах. Также описание запрещенных палат расширяется благодаря толстовской формуле описания четырех сторон, в эпитетных структурах «*чужие, не христианские народы живут*», «*христианские да не русские живут*», «*наши русские живут*» выделяется три разных народности: «*крестник и видит весь мир и всё, что в миру люди делают. Посмотрел прямо — видит море, корабли плавают. Посмотрел вправо — видит чужие, не христианские народы живут. Посмотрел в левую сторону — христианские да не русские живут. Посмотрел в четвертую сторону — наши русские живут*» [9, 151]. Мысль Л. Толстого о трех народностях воплощается в эпитетах, которые в описаниях палат приобретают иносказательный характер. Определения в парных эпитетах противопоставлены «*чужие, не христианские народы*», «*христианские да не русские живут*». Автор, с свойственной ему трепетностью выявляет идеи народностей и веры в парных эпитетных структурах. М. Альтман особенно дорожил всеми нюансами повествования в литературно-художественных произведениях писателя: «в поэтическом хозяйстве Льва Толстого отдельные художественные детали не самодовлеют, а связаны со всем поэтическим замыслом в целом, из него вытекают и, в свою очередь, этот замысел или дополнительно поясняют, или глубже оттеняют» [1, 3]. Так, в контексте описания сказочного пространства, «*палаты больше всех и лучше всех*» привлекают внимание крестника. Иносказательность, свойственная народно-поэтическим произведениям, изображается в описании пространства персонажей.

Триединая формула повторяется в иносказательной манере повествования описания грехов: 1) фантастически-сказочного описания: «*Медведица раз чурбан толкнула — медвежат тревожила; другой раз толкнула — пестуна убила, а третий раз толкнула — сама себя погубила*» [9, 152]; 2) в сакрального содержания: «*одно худое дело сделал — отворил запрещенную дверь; другое худое дело сделал — на престол взошел и в руки мой жезл взял; третье худое дело сделал — много зла на свете прибавил*» [9, 152]. Фантастическое начало в народной легенде возникает с сказочным приобретением серебряных и золотых волос крестника.

Влияние легенды «Грех и покаяние» выражается в результате ввода в сюжет рассказа «Крестник» кельи и старца, а также искупления грехов крестника, которые привносят в рассказ писателя

дидактический характер. Эпитетные структуры «*могучие богатыри*», «*богатырскимъ голосомъ*», «*платье богатырское*» [2, 103], описания празднества и пира в народной легенде «Крестный отец», не находят выражения в рассказе Л. Толстого «Крестник». Героизм и богатырство крестника в искуплении грехов является незримым боем, заключается в душевной борьбе героя. Согласно традиции Л. Толстого, трехчастное совершение грехов нуждается в трехчастном их искуплении: «вспомнил крестник, что тогда только баба стол вымыла, когда ручник выполоскала: перестал он о себе заботиться, очистил сердце и стал другие сердца очищать ... повернулось во мне сердце тогда, когда ты смерти не побоялся ... растаяло во мне вовсе сердце, только когда ты пожалел меня и заплакал передо мною» [9, 161]. Дидактизм в рассказе выражается в речи персонажей иносказательно. Первое искупление греха проговаривается в несобственно прямой речи крестника, два последних — осмысливает разбойник, живущий с крестником.

Завершающая часть рассказа «Крестник» не так оптимистична, как в легенде: «*И обрадовался крестник тому, что он теперь грехи выкупил. Сказал это всё разбойнику и помер. Похоронил его разбойник, стал жить, как велел ему крестник, и так людей учить*» [9, 161]. Однако конец рассказа писателя не так трагичен, развязка действия рассказа выполнена в собственно толстовской манере дидактизма и провозглашения истинности веры — крестник искупил свои грехи, а его учение будет продолжено.

Народно-поэтические эпитетные структуры частично воплощаются в рассказе Л. Толстого «Крестник». Героизм повествования, свойственный народной легенде «Крестный отец», выражается подспудно в эпитетных структурах иносказательного характера. Писатель создает свой стиль и ритм повествования, стремясь к понятному и точному описанию действия. Парные эпитеты, свойственные народно-поэтическим произведениям, укрепились в поздней художественной прозе Л. Толстого. Структура парных эпитетов разворачивается в тройчатки и составные эпитеты. Функционирование парных эпитетов способствует созданию иносказательной манеры повествования, характерного толстовской манере в описании сакральных категорий воскресения души, искупления грехов. Парные эпитеты активно участвуют в создании ритмических образований, тональности изображения внутри повествования рассказа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альтман М. Читая Толстого. / М. Альтман. — Тула : Приокское кн. изд-во, 1966. — 147 с.
2. Афанасьев А. Народныя русскія легенды, собранныя Афанасьевым: издание полное. — Лондон, 1859. — 203 с.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. / А. Н. Веселовский. — М. : Высшая школа, 1989. — 405 с.
4. Зайденшнур Э. Е. Использование Толстым фольклора народов России в своем творчестве / Публ. О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой // Неизвестный Толстой в архивах России и США. — М.: АО «ТЕХНА-2», 1994. — С. 433—442. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-433-.htm>
5. Кавацца А. Внутренняя речь в рассказе Толстого «Хозяин и работник» / А. Кавацца // Яснополянский сборник. — Тула : Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2012. — 608 с.
6. Літературознавча енциклопедія: У двох томах / Авт.-уклад. Ю. І. Ковалів — К.: ВЦ «Академія», 2007. — Т.1 608 с. — Т.2 624 с. — (Енциклопедія ерудита).
7. Москвин В. П. Эпитет как предмет теоретического осмысления / Василий Москвин // Сучасні проблеми епітетології. — [Вип. 1.] — 2011 — 167 с.
8. Соколов Ю. М. Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения. (1828—1948) / Комментар. и ред. Н. Н. Гусева. — М.: Гос. лит. музей, 1948. — Т. II. — С. 200—207. — (Летописи Государственного литературного музея; Кн. 12). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/12c/12c2200-.htm>
9. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 90 т. / Толстой, Лев Николаевич — М. : Художественная литература, 1935 — 1958.
10. Шестопалова Г. А. Идея непротивления злу насилем в народных рассказах Льва Толстого / Г. А. Шестопалова // Яснополянский сборник. — Тула : Издательский дом «Ясная Поляна», 1998. — 375 с.
11. Jahn R. G. Tolstoy as a writer of popular literature / Gary R. Jahn // The Cambridge companion to Tolstoy. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 120 p.